

Миграционные процессы в Республике Бурятия: направления, результативность, факторы

Ю.Г. БЮРАЕВА, доктор социологических наук
E-mail: julbur@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7307-8309
Отдел региональных экономических исследований Бурятского научного
центра СО РАН, Улан-Удэ

Аннотация. В статье анализируется движение населения Республики Бурятия в период с 1990 по 2020 гг., включая внутрирегиональные и внешние миграционные потоки. Автор акцентирует внимание на масштабах, направлениях и результативности миграционного обмена с регионами РФ и зарубежными странами, изучает возрастные особенности и факторы миграции, оценивает ее последствия для социально-демографического потенциала Бурятии как региона-донора. Рассмотрены механизмы сдерживания миграции за пределы региона, в том числе предоставление дальневосточного гектара и льготной ипотеки.

Ключевые слова: миграция; миграционный обмен; результативность и направления миграции; факторы выталкивания и сдерживания; Республика Бурятия

Постановка проблемы

Дальний Восток – важная в геостратегическом плане территория Российской Федерации, обеспечивающая реализацию ее интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Если до 1990 г. он развивался ускоренными темпами, то с началом реформ ситуация кардинально изменилась. Это хорошо иллюстрирует динамика демографических показателей. Так, в период с 1959 по 1990 гг. рост численности дальневосточного населения превысил аналогичный показатель европейской части России в три раза и составил 66,4%, что обусловило повышенные темпы развития не только сферы услуг, но и различных отраслей экономики [Ершов, Тарасова, 2020].

С началом реформ государство оказалось не в состоянии проводить целенаправленную экономическую политику в макро-регионе. Хотя во всех программах развития Дальнего Востока,

начиная с самой первой от 1987 г.¹, закрепление постоянного населения и привлечение трудовых ресурсов провозглашается в качестве одной из приоритетных задач государственной политики, демографическая ситуация здесь развивалась под воздействием масштабных политических перемен, обусловивших экономический кризис и деградацию отраслей социальной сферы. Миграция как фактор прироста населения утратила свое значение. За следующие три десятилетия численность населения макрорегиона² сократилась на рекордные 22%³, тогда как в европейской части данный показатель остался практически на прежнем уровне.

В настоящее время социально-экономическое положение в регионах Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) остается трудным, осложняясь рядом институциональных проблем. Главное свидетельство этого – непрекращающийся миграционный отток, когда население «голосует ногами» против снижения уровня и качества жизни, неудовлетворенности относительно своего будущего и недоверия к органам государственной и муниципальной власти. Миграционная подвижность населения Дальнего Востока – одна из наиболее высоких в стране. Объем миграции в период 2015–2019 гг. в среднем в год составлял 8,2% всей численности населения округа, тогда как в целом по РФ этот показатель был равен 6,4%. При этом результативность внешней миграции самая низкая в стране (1316 выбывших на 1000 прибывших)⁴.

Данные тенденции характерны и для Республики Бурятия, где инструменты государственной поддержки начали действовать в полной мере после ее включения в состав ДФО в ноябре 2018 г. До этого республика имела статус «приглашенного участника» в программах приоритетного развития Дальнего Востока, что

¹ Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного региона, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года.

² С учетом Республики Бурятия и Забайкальского края.

³ Рассчитано по: Оценка численности постоянного населения на 1 января 2021 г. и в среднем за 2020 г. [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 14.05.2021).

⁴ Рассчитано в среднем с 2015 по 2019 гг. по: Численность и миграция населения Российской Федерации за 2015–2019 гг. [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 19.05.2021).

обуславливало остаточный подход к финансированию запланированных мероприятий [Дондоков и др., 2019].

Цель данной статьи – анализ миграционных процессов в Республике Бурятия с 1990 по 2020 гг., включая выявление масштабов, направлений и результативности миграционного обмена современного периода (2015–2019 гг.), выталкивающих и притягивающих население факторов и оценку возможных последствий. Информационной базой исследования послужили данные Росстата и Бурятстата⁵. Объектом анализа выступили долгосрочные мигранты, зарегистрировавшиеся по месту пребывания на срок девять месяцев и более.

Движение населения

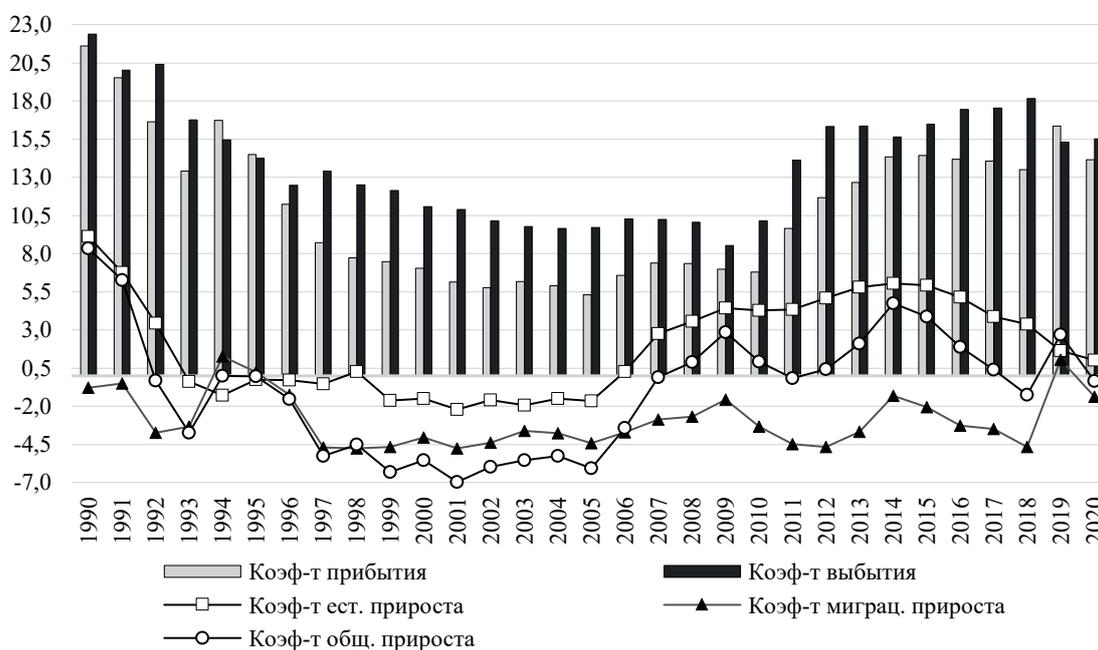
Длительный период депопуляции Бурятии начался в 1992 г., когда миграционная убыль впервые превысила естественный прирост. В 2007 г. численность населения достигла своего минимума – 964,9 тыс. чел., сокращение с 1990 г. составило 8,1%, в том числе за счет естественной убыли (рис. 1). С 2008 г., благодаря естественным причинам, происходит незначительный ежегодный рост численности жителей (к началу 2021 г. итоговый прирост к уровню 2008 г. составил +2,1%). Исключением стали 2018 и 2020 гг., когда наблюдалось снижение численности населения вследствие отрицательного сальдо миграции на фоне сокращения естественного прироста. С 2016 г. происходит значительное снижение рождаемости (–25,5% к 2020 г.) и постепенный рост смертности (+4,3%)⁶, что свидетельствует о формировании устойчивой тенденции снижения естественного движения населения. В 2020 г. ситуацию ухудшили отрицательные последствия пандемии коронавируса, которые еще будут иметь продолжение. Последние два месяца прошедшего года отличились высокой летальностью, в результате чего 2020 г. стал худшим по показателям смертности за последние восемь лет⁷. На данный момент

⁵ Численность и миграция населения Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>; Население [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/people> (дата обращения: 12.05.2021).

⁶ Рождаемость, смертность и естественный прирост [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 24.05.2021).

⁷ Смолянинов С. В Бурятии смертность за 2020 год обновила восьмилетний максимум [Эл. ресурс]. URL: <https://arigus.tv/news/item/152306/> (дата обращения: 24.05.2021).

население региона составляет 985,4 тыс. человек⁸ (0,7% от численности РФ), плотность проживания – всего 2,8 чел./км².

Источник. Рассчитано по: Демография [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 18.05.2021).

Рис. 1. Коэффициенты миграции и естественного прироста населения Республики Бурятия в 1990–2020 гг., промилле

Механическое движение населения республики, в отличие от естественного, в исследуемый период имело строго отрицательный тренд, за исключением трех лет, когда наблюдался незначительный миграционный прирост (от 0,2 до 1,3 промилле). В целом, с начала 1990-х гг. из республики уехало 433,1 тыс. человек. Приток и естественный прирост населения не смогли компенсировать эти потери. В результате Бурятия потеряла 88,3 тыс. человек, или 9% от среднегодовой численности населения 2020 г. – в основном трудоспособного возраста и высокой квалификации⁹.

Сальдо миграции в исследуемый период колебалось в диапазоне от –0,5 до 4,8 промилле. В последнее десятилетие

⁸ Среднегодовая численность постоянного населения Республики Бурятия по городским округам и муниципальным образованиям [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 12.05.2021).

⁹ Рассчитано по: Общие итоги миграции населения Республики Бурятия [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo#> (дата обращения: 25.04.2021).

миграционная убыль, достигнув в 2014 г. минимального значения (–1,3 промилле), стала ежегодно возрастать и составила максимум в 2018 г. (–4,7 промилле).

В 2019 г. был отмечен небольшой миграционный прирост (+1,0 тыс. чел.), обусловленный притоком иностранной рабочей силы из Китая (сальдо миграции +0,8 тыс. чел.), Узбекистана (+0,4 тыс. чел.) и Киргизии (+0,3 тыс. чел.), в основном для работы в строительстве, подъем которого произошел после получения «дальневосточной» федеральной субсидии на создание и реконструкцию объектов инфраструктуры, а также в сфере заготовки и переработки леса. Помимо указанных отраслей, иностранные трудовые мигранты заняты в сельском хозяйстве, отдельных секторах торговли и сферы услуг. В некоторых случаях привлечение мигрантов оказывается единственно возможным ресурсом для выполнения временных и сезонных работ, например, в сельском хозяйстве или строительстве.

Следует отметить, что численность иностранной рабочей силы с учетом нелегальных трудовых мигрантов в разы больше, чем показывает официальная статистика. По данным Управления по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия¹⁰, ежегодно регистрируется около 3 тысяч нарушений правил въезда, режима пребывания иностранных граждан и незаконного осуществления ими трудовой деятельности. Также зафиксировано большое количество прибывших в Бурятию по долгосрочным визам (от 1 года) с целью осуществления трудовой деятельности и обучения. Так, в 2019 г. их число составило 10320 и 1926 человек соответственно (19,6% от числа иностранных граждан, первично поставленных на миграционный учет по месту пребывания). В целом сальдо между числом поставленных и снятых с миграционного учета в 2019 г. составило 11401 человек.

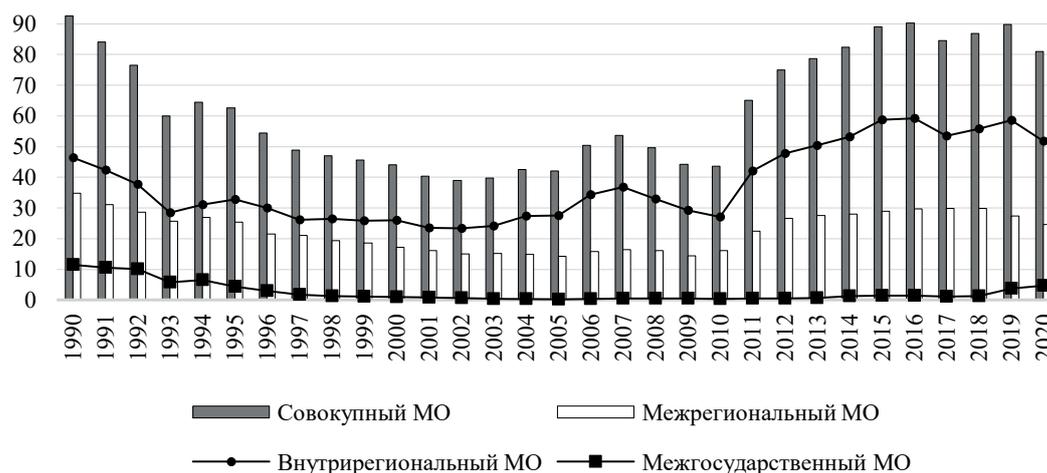
Однако, учитывая низкий уровень жизни и доходов в республике, вряд ли можно ожидать массового притока сюда иностранных граждан. До сих пор основным «поставщиком» мигрантов

¹⁰ Информационно-аналитическая записка о проводимой МВД по Республике Бурятия работе по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, защите прав и законных интересов граждан от преступных посягательств, а также принимаемых мерах по обеспечению общественного доверия и поддержки граждан [Эл. ресурс]. URL: <https://03.xn--blaew.xn--plai/Dejatelnost/dej/05/01/1/> (дата обращения: 13.09.2021).

был Китай. Но в последние годы наблюдается старение населения Китая, а также рост его благосостояния, что будет сдерживать рост числа трудовых мигрантов из этой страны.

При этом межрегиональная эмиграция в 2019 г. продолжалась, что привело к отрицательному сальдо миграции в 2020 г., несмотря на карантинные меры, обусловленные пандемией COVID. В этой связи миграционный прирост 2019 г. пока может расцениваться только как эпизод. Кардинальные изменения миграционной ситуации не наблюдаются, постоянное население продолжает уезжать, трудовые мигранты, не найдя особых бонусов, также покидают республику после окончания контракта, незначительный ежегодный прирост численности населения обеспечивается естественными факторами.

В целом уровень миграционной подвижности населения республики довольно высок по сравнению с другими регионами РФ. В период 2015–2019 гг. коэффициент среднегодового миграционного оборота составил 90 промилле, что соответствует 14-му месту по РФ и 4-му – по ДФО. В последнее десятилетие миграционный оборот характеризуется ежегодным ростом до уровня начала 1990-х гг. Исключением стали 2017 г. – из-за снижения объема внутриреспубликанских потоков, и 2020 г. – из-за пандемии и введения карантинных мер (рис. 2).

Источник. Рассчитано по: Общие итоги миграции населения Республики Бурятия [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo#> (дата обращения: 15.05.2021).

Рис. 2. Объем миграционного обмена в 1990–2020 гг., тыс. чел.

Если в республике с 2015 г. происходило усиление миграционного оттока и снижение естественного прироста, то в ДФО

в целом в этот период заметно снизилась интенсивность отрицательной динамики населения благодаря созданию дополнительных институциональных стимулов и реализации инвестиционных проектов в отдельных регионах округа (Чукотском АО, Приморском крае и Амурской области) [Минакир, Найден, 2020]. Поэтому вхождение в состав дальневосточных регионов дает республике определенные надежды на повышение качества жизни, без чего невозможно улучшение миграционной ситуации. Пока же она теряет ежегодно 2,3 человека из каждой тысячи населения, что все же несколько меньше, чем в среднем по ДФО – 3,2 чел.

Внутрирегиональные потоки миграции

Отличительной чертой миграционных процессов Бурятии является преобладание внутрирегиональных перемещений (65% в среднем в год в период 2015–2019 гг.). Это один из самых высоких показателей по стране (среднее значение по РФ – 42%) и самый высокий – в ДФО (51%).

В 1990-е гг. доля внутренних и внешних перемещений была практически равноценна. Тогда наблюдался значительный отток населения за пределы республики в связи с окончанием работ по строительству бурятского участка Байкало-Амурской магистрали и прекращением государственных инвестиций. Бывшие строители в основном из регионов Сибири и Дальнего Востока стали возвращаться обратно. Доля «северной миграции» в эти годы составляла 50–65% ежегодной убыли населения за пределы республики. Также в связи с распадом государства резко усилились процессы внешней миграции, обусловленные этническим фактором – на свою историческую родину стали уезжать евреи, поляки, немцы, татары и представители некоторых других этнических групп. Данные процессы сопровождались обратными потоками мигрантов из Средней Азии и Закавказья, среди которых были беженцы и вынужденные переселенцы. В эти годы межрегиональные перемещения составляли 40%, а межстрановые – 9%.

В 2000-е гг. миграционная подвижность населения снизилась, что более заметно проявилось в отношении внешних потоков (почти в два раза). Основная масса перемещений стала происходить внутри региона (64%). Продолжилась миграция из северных районов в южные, в связи с неспособностью республики

поддерживать и обеспечивать развитие удаленных территорий с суровыми природно-климатическими условиями. Произошла утрата стимулирующего значения установленных ранее государством льгот и надбавок к заработной плате, которые на протяжении многих лет применялись для привлечения туда кадров. Теряли население и сельские районы республики – вследствие стагнации сельского хозяйства и закрытия системообразующих предприятий и организаций.

В 2010-е гг. продолжающееся ухудшение социально-экономической ситуации в сельской местности в результате роста безработицы, износа инфраструктуры, накопления социальных проблем обусловило усиление миграционного оттока из районов республики в два раза по сравнению с 2000-ми гг. Для сельского населения Бурятии характерно состояние экономической, социальной и социокультурной депривации, характеризующееся ухудшением условий и качества жизни. Максимальный коэффициент миграционной убыли достиг 42,1 промилле в Муйском районе в среднем в год, а средний по районам республики уровень – 15,2 промилле.

Внутрирегиональные миграционные потоки имеют ярко выраженный центростремительный характер, что соответствует мировому и общероссийскому трендам, когда население регионов стремится в региональные столицы с их ресурсами [Мкртчян, 2017; Нефедова и др. 2015; Хамина 2019]. Основной миграционный отток (60% в среднем) из сельских и городских поселений республики поглощаются Улан-Удэ и прилегающими к нему тремя районами.

К настоящему моменту их совокупная численность превысила половину всего населения республики (58,2%). При этом пригородные территории растут гораздо большими темпами, чем сама столица (до пяти раз). В качестве причин отмечаются территориальные ограничения развития и сравнительная дешевизна обустройства в пригороде.

Таким образом, за годы реформ республика превратилась в моноурбанизированный регион. При сохранении настоящих тенденций активной миграционной подвижности сельского населения роль моноцентра в региональной системе расселения будет усиливаться, что грозит обезлюдением обширной сельской территории. Это в свою очередь резко ограничивает

возможности развития сельского хозяйства (молочное животноводство, тонкорунное овцеводство, овощеводство) и соответствующих перерабатывающих производств, которые и так находятся в кризисном состоянии.

Внешняя миграция и миграционный обмен

Межрегиональные потоки в общем объеме миграционных процессов республики в период 2015–2019 гг. составили 33% в среднем в год, а межгосударственные – 2%. Именно они оказывают влияние на изменение численности населения республики в целом.

Важный показатель, характеризующий миграционный обмен между регионами и странами, – коэффициент результативности миграционных связей (КРМС). Он показывает, насколько потоки прибывающих в регион мигрантов восполняют миграционные потери. Если коэффициент выше 1000 промилле, принимающий регион теряет население, и наоборот. Миграционный обмен считается достаточно результативным при коэффициенте меньше 500 промилле. Считается, что чем выше значение показателя, тем больше вероятность безвозвратной миграции из данного региона [Хилажева, 2019].

В Бурятии межрегиональный миграционный обмен нерезультативен – на 1000 прибывших в среднем за год в 2015–2019 гг. приходилось 1227 выбывших (таблица). Это ниже среднего показателя по ДФО на 89 чел. Результативность международного обмена, напротив, довольно высока – 546 выбывших на 1000 прибывших, что соответствует 3-му месту в ДФО.

**Коэффициенты результативности миграционных связей (КРМС)
Республики Бурятия в период 2015–2019 гг.**

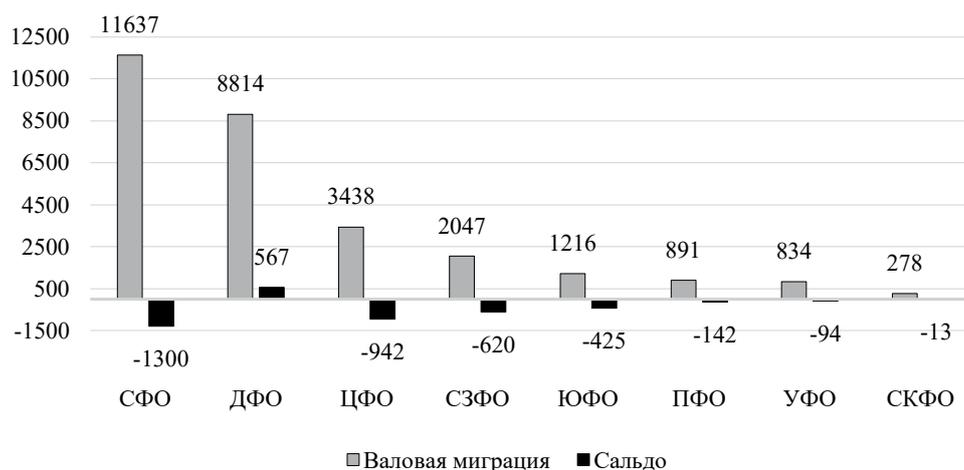
Регион	КРМС*	Страна СНГ	КРМС
Федеральный округ		Страны СНГ	596
Центральный	1755	Азербайджан	669
Северо-Западный	1869	Армения	603
Южный	2076	Беларусь	472
Северо-Кавказский	1098	Казахстан	950
Приволжский	1378	Киргизия	439
Уральский	1255	Молдова	477
Сибирский	1252	Таджикистан	443
Дальневосточный	879	Туркмения	750

Регион	КРМС*	Страна СНГ	КРМС
Регионы ДФО		Узбекистан	605
Республика Саха (Якутия)	1193	Украина	708
Забайкальский край	680	Другие зарубежные страны	422
Камчатский край	1333	Вьетнам	526
Приморский край	1147	Германия	1895
Хабаровский край	1294	Грузия	486
Амурская область	1040	Израиль	2471
Магаданская область	1196	Китай	216
Сахалинская область	1234	Латвия	429
Еврейская авт. область	861	Монголия	579
Чукотский авт. округ	1247	США	5222
Межрегиональная миграция в целом	1227	Межгосударственная миграция в целом	546

Источник. Рассчитано по: Миграция населения Республики Бурятия. Стат. сборник / Бурятстат. Улан-Удэ, 2020. 72 с.; Численность и миграция населения Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 22.05.2021).

* КРМС – число выбытий на 1000 прибытий.

По тесноте миграционных связей среди федеральных округов значительно выделяются Сибирский и Дальневосточный. В 2015–2019 гг. среднегодовой объем валового миграционного обмена республики с первым из них составил 11,6 тыс. человек (40% от всего межрегионального обмена) (рис. 3).

Источник рис. 3–4. Рассчитано по: Миграция населения Республики Бурятия. Стат. сборник / Бурятстат. Улан-Удэ, 2020. 72 с.

Рис. 3. Объем валового миграционного обмена Республики Бурятия с федеральными округами и регионами ДФО (в новых границах) в среднем в год за 2015–2019 гг.

При этом здесь наблюдалась самая высокая миграционная убыль – 1,3 тыс. человек в среднем в год (рис. 4). Наибольший отток происходит в экономически развитые соседние регионы с высоким уровнем человеческого капитала – Иркутскую область (–595 чел. в среднем в год), Красноярский край (–294 чел.), Новосибирскую (–289 чел.) и Томскую области (–193 чел.). При этом интенсивность потерь Бурятии в результате обмена с указанными регионами составляет от 1100 до 1500 промилле. Незначительный приток населения в республику имел место только из Республики Тыва (+18 чел.).

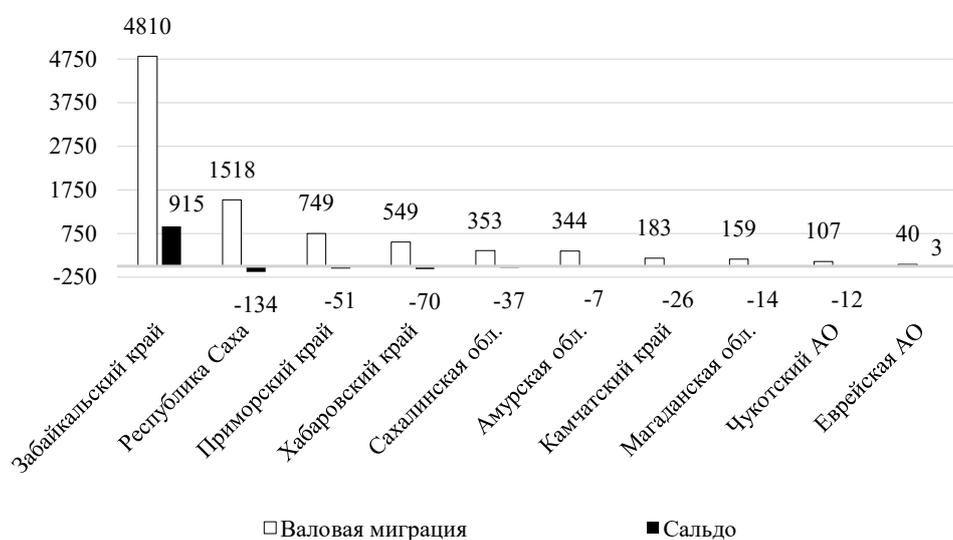

Рис. 4. Сальдо миграции Республики Бурятия с федеральными округами и регионами ДФО (в новых границах) в среднем в год за 2015–2019 гг.

Следует отметить, что республика на протяжении всего исследуемого периода теряет свое население со всеми федеральными округами, за исключением ДФО. Из соседей по округу наиболее тесные связи установлены с Забайкальским краем (54,6% от всего обмена с регионами ДФО) и Республикой Саха (17,2%). При этом главным донором для республики как на уровне ДФО, так и РФ в целом стабильно выступает только Забайкальский край, за счет которого в основном поддерживается положительная результативность миграционного обмена с ДФО. Незначительный прирост происходил также за счет населения Еврейской автономной области. Однако обмен с этим регионом не способен оказывать существенное влияние на миграционные потоки. С остальными регионами ДФО республика не имеет значимых миграционных

связей, что подразумевает относительно низкую интенсивность ее миграционных потерь. В целом чем больше расстояние до региона, тем меньше результативность миграционных связей с ним.

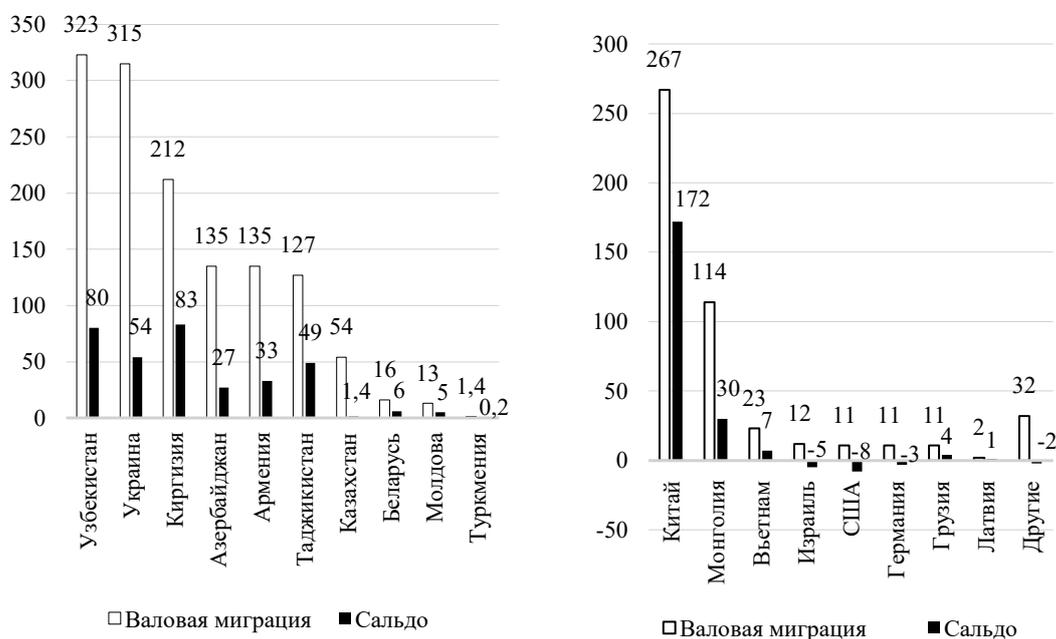
Довольно скромны масштабы миграционного обмена Бурятии с регионами «западного дрейфа», входящими в состав Центрального и Северо-Западного федеральных округов (в среднем 2–3,4 тыс. человек в год). Однако убыль в результате миграционных перемещений в эти регионы довольно высока, соответственно, результативность миграционных связей с ними одна из самых неэффективных для республики. Миграционные связи с традиционными центрами притяжения – Москвой и Московской областью (–770 чел. в совокупности в среднем в год), Санкт-Петербургом и Ленинградской областью (–520 чел.) ведут к наибольшим потерям населения. Число выбывших в эти регионы почти в два раза больше числа прибывших из них в Бурятию, а вероятность возвратной миграции крайне низка.

Несмотря на относительно небольшой объем миграционного обмена (1,2 тыс. человек ежегодно), наиболее миграционно привлекательным для жителей республики представляется Южный федеральный округ, главным образом Севастополь, Республика Крым и Краснодарский край. На 1000 прибытий пришлось рекордные 4071, 3034 и 2248 выбытий соответственно. В абсолютном отношении Краснодарский край, являющийся регионом-реципиентом федерального уровня, занимает основную долю в миграционном оттоке среди регионов ЮФО (–281 чел. в среднем в год).

Объемы валовой миграции между Республикой Бурятия с другими федеральными округами РФ незначительны и не превышают 0,9 тыс. человек в среднем в год за период 2015–2019 гг. Однако миграционный обмен с регионами Поволжского федерального округа характеризуется высокой интенсивностью потерь. В частности, в республики Марий Эл, Мордовия и Татарстан выбывает вдвое больше, чем прибывает из них в Бурятию. Среди регионов УФО наиболее неэффективная результативность наблюдается в обмене с Тюменской областью (КРМС – 1785 промилле). В наименьшей степени миграционные связи прослеживаются с регионами СКФО, при этом потери для республики минимальны, поскольку обмен с большинством северо-кавказских республик равнозначный.

Как видно на графике, миграционный обмен с регионами СФО, несмотря на большие объемы, не ведет к столь значительным миграционным потерям, как в случае с западными и южными регионами РФ. Регионы ДФО, вопреки создаваемым стимулам по активизации внутрирегиональной мобильности рабочей силы, продолжают оставаться не особо привлекательными в миграционном плане для жителей Бурятии. Таким образом, миграция из республики продолжает двигаться в западном направлении.

Международная миграция складывается из обмена со странами СНГ и другими. Несмотря на ее малые объемы (по данным Бурятстата, в среднем – 1,8 тыс. человек в год), в обоих случаях миграционные связи достаточно результативны. КРМС со странами СНГ составил в период 2015–2019 гг. в среднем в год 596 промилле, с другими зарубежными странами – 422 промилле (таблица). Со всеми странами СНГ наблюдается положительное сальдо миграции, а наиболее тесные связи сложились с Узбекистаном, Украиной и Киргизией (рис. 5).

Источник. Рассчитано по: Миграция населения Республики Бурятия. Стат. сборник / Бурятстат. Улан-Удэ, 2020. 72 с.

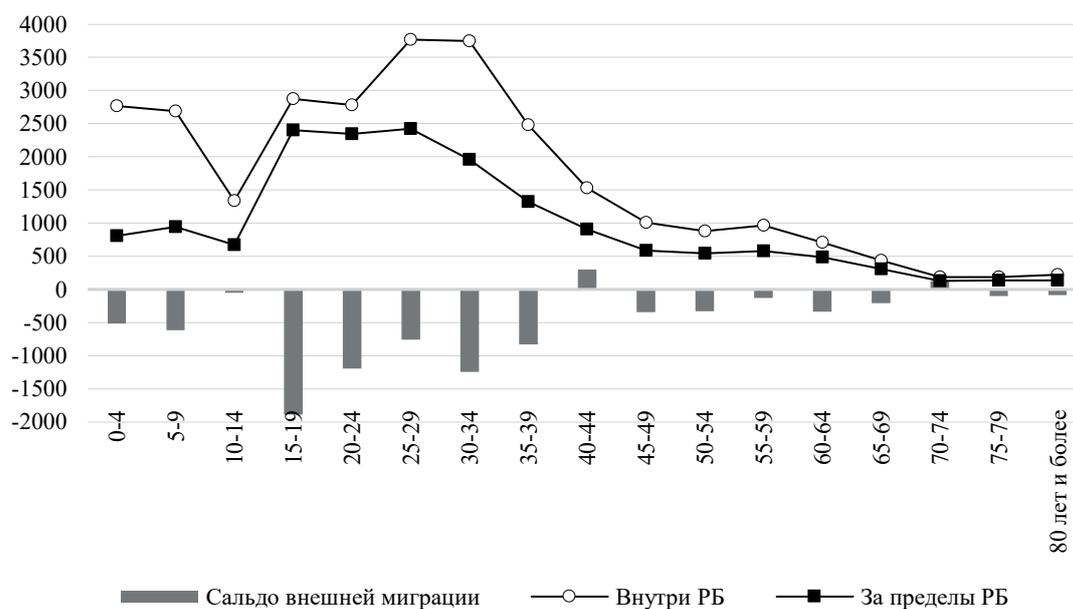
Рис. 5. Объем валового миграционного обмена и сальдо миграции Республики Бурятия со странами СНГ и другими зарубежными странами в среднем в год за период 2015–2019 гг.

Регулярный миграционный обмен осуществляется с рядом зарубежных стран, но самые тесные связи с наибольшим положительным сальдо миграции установлены только с соседними государствами – Китаем и Монголией.

В целом результативный миграционный приток происходит из стран азиатского вектора, в особенности Китая (КРМС – 216 промилле), и бывших республик СССР. Тогда как в обмене со странами дальнего зарубежья республика интенсивно теряет население.

Возрастные и другие характеристики миграции

Пик миграции за пределы Бурятии (среди всех возрастных групп) приходится на возраст поступления в профессиональные учебные заведения – 15–19 лет. В этом же возрасте наблюдаются наибольшие потери населения в результате миграционного обмена с другими регионами и странами (рис. 6).

Источник. Рассчитано по данным Бурятстата, предоставленных по официальному запросу № 269–01–10–11/214 от 08.06.2021

Рис. 6. Возрастной состав и сальдо миграции в Республике Бурятия в среднем в год за период 2015–2019 гг.

При образовательной миграции молодежи явно преобладает западный дрейф. На учебные заведения ДФО приходится всего 13,4% абитуриентов. В последние годы активно набирает популярность

среди молодежи также обучение за рубежом (главным образом – в расположенных поблизости азиатских странах). Масштабы образовательной миграции ежегодно растут. В 2020 г. половина выпускников школ выехала за пределы Бурятии для получения образования, что на 24,1% больше, чем в 2015 г.¹¹ При этом процент возврата уехавших из региона абитуриентов незначителен. Так, результаты социологического опроса старшеклассников показывают, что только 7% респондентов, планирующих продолжить обучение за пределами республики, собираются вернуться домой после окончания обучения [Очирова, 2021].

Важно, что пока еще в этом возрасте наблюдается небольшое преобладание внутрирегиональных перемещений, что свидетельствует о *сохранении роли учебных заведений как инструмента сдерживания молодежи в регионе*, но его значимость постепенно снижается. Так, абитуриенты с высокими баллами ЕГЭ предпочитают обучение в более рейтинговых вузах за пределами Бурятии. По данным мониторинга качества приема в вузы, средний балл ЕГЭ абитуриентов местных вузов ниже среднего уровня, что по итогам 2020 г. составило на бюджетной основе 59,1, на платном обучении – 57,5¹².

В следующих возрастных группах молодежи миграция в основном обусловлена выбором места работы. На возраст от 25 до 34 лет приходится пик внутрирегиональных перемещений. Объем внешней миграции республиканской молодежи сохраняется на фоне уменьшения отрицательного сальдо миграции. Более того, в возрасте 20–24 года наблюдается преобладание прибывших над выбывшими. Хотя во всех других возрастных когортах наблюдается отрицательное сальдо миграции.

Если ранее республика характеризовалась как регион с высокой межрегиональной образовательной миграцией и относительно низкой межрегиональной трудовой миграцией молодежи [Габдрахманов и др., 2019], то сейчас трудовая миграция происходит на том же уровне, что и образовательная (см. рис. 6). Кроме того, согласно результатам наших исследований, усиливается объем потенциальной миграции молодежи [Бюраева, 2020].

¹¹ Рассчитано по данным Министерства образования и науки Республики Бурятия, предоставленным по официальному запросу № 269–02–05–06/174 от 27.04.2021.

¹² Мониторинг качества приема в вузы [Эл. ресурс]. URL: <https://ege.hse.ru/rating/2020/84025292/all/> (дата обращения: 12.06.2021).

В этой связи отток населения из республики важно рассматривать с позиции качественных последствий. Уезжают и планируют переезд главным образом активные, молодые, квалифицированные кадры. Молодежь в возрасте от 15 до 34 лет демонстрирует самый высокий уровень активности в миграционных перемещениях. В этих же возрастных группах происходит наиболее интенсивная миграционная убыль населения (за исключением 20–24-летних). Доля молодежи в миграционном оттоке составляет 54,7%. Кроме того, убыль детей до 14 лет более значительна, чем населения в средних и старших возрастах, что является результатом миграционного поведения их родителей.

Следует отметить более высокую миграционную активность женщин. Их убыль по сравнению с мужчинами в два раза интенсивнее. С отъездом молодых людей, особенно женщин фертильного возраста, снижается потенциал будущих браков и рождений.

Основную часть выбывших в возрасте от 14 лет составляют лица с высшим (около 35,4% общего потока каждый год) и средним профессиональным образованием (22,6%). Их численность превышает аналогичное число прибывших на 19,2% (1,6 тыс. чел.). Определяющим фактором переселения у мигрантов с таким уровнем образования являются причины личного, семейного характера и работа. Кроме того, выбывшие имеют более высокую квалификацию по сравнению с прибывшими. Они чаще занимают более статусные позиции перед переездом. Например, численность выехавших руководителей и специалистов высшего уровня квалификации, среди которых известные и высококлассные адвокаты, врачи, экономисты, инженеры и зоотехники, превышает аналогичное число прибывших на 17,8% (0,6 тыс. чел.). Обратная ситуация складывается в отношении рабочих, особенно неквалифицированных. Последних в Бурятию прибывает в 2,2 раза больше, чем выезжает (0,8 тыс. чел.).

Таким образом, отток талантливой молодежи и высококвалифицированных кадров влияет на качество профессионально-квалификационной и демографической структуры общества. Имеют место не только проблемы с набором в местные учебные заведения, но и негативные последствия для развития региона с точки зрения кадрового обеспечения и формирования региональных элит, что в итоге ограничивает реализацию задачи приоритетного развития регионов Дальнего Востока.

Факторы выталкивания и сдерживания населения

В силу того, что наибольшую долю в миграционных перемещениях, как внешних, так и внутренних составляет население в молодом трудоспособном возрасте, следует полагать, что в основе такого оттока лежат экономические факторы, определяющие уровень и качество жизни.

Республика Бурятия – сложный регион с точки зрения геополитического расположения, климата, экологических ограничений, малонаселенности, многонационального состава и пр. Под давлением этих и других факторов наблюдается стагнация социально-экономической ситуации в регионе [Анализ..., 2019]. По ключевым параметрам развития Бурятия выглядит менее привлекательно по сравнению с большинством российских регионов, в том числе дальневосточных, что находит отражение в различных рейтингах, где она занимает весьма скромные места – 68-е по доходам населения, 73-е – по социально-экономическому положению регионов, 81-е – по качеству жизни¹³ и т.д.

Из положительных моментов можно отметить рост инвестиционного рейтинга республики до 2-го места среди субъектов ДФО по итогам 2020 г. за счет ускорения темпов роста объемов промышленного производства и строительных работ, а также регистрации первых резидентов в ТОР «Бурятия», созданной в конце 2019 г.¹⁴ Однако эти успехи не находят отражения в соответствующем росте благосостояния местного населения, для которого более важными являются потенциал развития малого и среднего бизнеса, возможности трудоустройства, размер заработной платы (особенно в бюджетном секторе, поскольку занятость в нем составляет 56,5%). Отсутствие перспектив в этом направлении значительно влияет на миграционные настроения жителей республики.

Так, деятельность малого и среднего бизнеса в республике отличается низкой рентабельностью из-за сложной логистики и высоких энергозатрат, незначительной вовлеченностью

¹³ РиаРейтинг. Инфографика [Эл. ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/> (дата обращения: 12.07.2021).

¹⁴ Инвестиционный рейтинг регионов Дальнего Востока по итогам 2020 года составили эксперты ФАНУ «Востокгосплан» [Эл. ресурс]. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp/2021/04/инвестиционный-рейтинг-регионов-дал/> (дата обращения: 12.07.2021).

населения. Доля работающих в этом секторе составляет всего 8,8%, что ниже среднего показателя по РФ и ДФО¹⁵. Кроме того, в Бурятии традиционно самый высокий уровень безработицы в ДФО – 10,8%, что выше среднероссийского показателя (5,9%) практически в два раза¹⁶.

Поставленная в Стратегии пространственного развития РФ цель по привлечению трудовых ресурсов в субъекты Дальнего Востока пока не реализуется в республике. Более того, в результате «опережающего развития» Бурятия за последние три года утратила 17,5 тыс. рабочих мест. Темп сокращения составил 4,4%, из регионов ДФО ситуация хуже только в Магаданской области (–6,3%)¹⁷. Рынок труда характеризуется низким социальным потенциалом вакантных мест, их малым разнообразием ввиду слабой диверсификации и инвестиционной привлекательности экономики, структурным дисбалансом спроса и предложения рабочей силы, распространенностью кумовства и неформальных каналов трудоустройства [Бюраева, 2021].

Среднемесячная заработная плата по вакансиям, заявленным в центры занятости населения за 2020 г., составила всего 25090 руб. Однако, по данным анализа резюме соискателей, ожидания заработной платы варьируются от 40 до 60 тыс. руб.,¹⁸ что соответствует среднемесячной зарплате по региону – 41800 руб., которая в свою очередь является самой низкой в ДФО (60358 руб.) и ниже среднероссийского показателя (51352 руб.)¹⁹.

Более того, уровень заработной платы с 2018 г., когда республика вошла в состав ДФО, растет более низкими темпами (16%) по сравнению с ДФО (16,8%) и РФ (17,4%) в среднем. При этом возможности получения более высоких

¹⁵ Рейтинг регионов по вовлеченности населения в малый бизнес – 2021 [Эл. ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210412/630198880.html> (дата обращения: 15.07.2021).

¹⁶ Рейтинг регионов по уровню безработицы [Эл. ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210316/630196679.html> (дата обращения: 15.07.2021).

¹⁷ Рейтинг регионов по динамике рынка труда – 2021 [Эл. ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210420/630199178.html> (дата обращения: 15.07.2021).

¹⁸ Работа в России. Республика Бурятия [Эл. ресурс]. URL: <https://trudvsem.ru/> (дата обращения: 15.07.2021).

¹⁹ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2000–2020 гг. [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 15.07.2021).

или дополнительных доходов в республике ограничены. Так, в структуре доходов населения основную долю занимает оплата труда – 59,7% и социальные выплаты – 21,4%. Уровень зарплаты в наиболее многочисленных отраслях (торговле, образовании, здравоохранении, государственном управлении) намного ниже, чем в добывающем и финансовых секторах экономики, доля которых не превышает 2%. В то время как в советский период более высокая оплата труда, в 1,5–2 раза превышающая средний уровень по стране, была главным фактором привлечения населения на Дальний Восток [Минакир, Найден, 2020].

Соответственно, размер среднедушевых доходов жителей Бурятии (25770 руб.) также является самым низким в ДФО (38696 руб.) и ниже, чем по РФ в среднем (35676 руб.). С его учетом можно приобрести всего 2,1 потребительскую корзину (один из худших результатов по ДФО), а в РФ в среднем – 3,2²⁰.

Одним словом, в отношении Бурятии вряд ли уместно говорить о соблюдении принципа преференциального развития, способствующего привлечению трудовых ресурсов и закреплению местного населения.

В последние годы в Бурятии резко ухудшилась экологическая обстановка. Так, по количеству случаев загрязнений атмосферного воздуха в 2020 г. регион занял 2-е место после Самарской области. Улан-Удэ и Селенгинск регулярно попадают в число худших городов по качеству воздуха²¹. Нарушение экологического баланса в свою очередь ведет к росту заболеваний, прежде всего, онкологических, что в совокупности усиливает миграционные настроения в республике.

Происходит рост социальной напряженности и недоверия к властным структурам, одним из подтверждений которых является недостаточный темп вакцинации и как следствие – высокий рост заболеваемости коронавирусной инфекцией. Летом 2021 г. Бурятия первая среди российских регионов была вынуждена объявить второй локдаун (с 27 июня по 11 июля 2021 г.) и ввести обязательную вакцинацию. Вхождение республики в число

²⁰ Уровень жизни [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.07.2021).

²¹ В России поставлен рекорд по загрязнению воздуха за 16 лет [Эл. ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/17/11/2020/5fb26d119a7947780c13f546?from=from_main_1 (дата обращения 02.07.2021).

регионов с наиболее жесткими ковидными ограничениями усугубляет миграционные настроения среди населения. Распространенным становится мнение «либо ставить прививку, либо уезжать из Бурятии».

Введение таких мер по сдерживанию населения, как дальневосточная ипотека, помимо положительного эффекта, обернулось колоссальным ростом цен на недвижимость, которая стала недоступна для большинства жителей республики. По темпам роста цен на вторичное жилье во втором квартале 2021 г. столица Бурятии заняла 3-е место после Сочи и Краснодара, практически догнав Краснодар по средней стоимости 1 квадратного метра²². Отметим, что потенциально этот факт может влиять на рост миграции из республики, ведь теперь жители Бурятии, продав свою квартиру, смогут позволить себе жилье в более миграционно привлекательном регионе.

В отношении льготной сельской ипотеки на строительство или покупку жилья в сельской местности, стартовавшей в 2021 г., можно сделать аналогичные выводы. Она подстегнула миграцию уже внутри республики в сторону столицы и вызвала всплеск цен в пригороде Улан-Удэ. Кроме того, получателями льготной ипотеки ДФО в Бурятии все чаще оказываются жители других регионов, прежде всего, Иркутской области, поскольку наличие республиканской прописки не является обязательным условием ее получения²³. Как итог жители западных регионов, имея более высокий доход, покупают земельные участки в туристических зонах республики и недвижимость в Улан-Удэ при господдержке. Очень часто – для сдачи в наем местным жителям, либо в спекулятивных целях. Вряд ли это способствует целям и задачам дальневосточной госпрограммы закрепления местного населения. Пока данная программа скорее направлена против его интересов. На наш взгляд, необходимо введение рычагов сдерживания роста цен на недвижимость в соответствии с покупательной способностью населения республики.

²² Аналитики назвали города России с максимальным ростом цен на жилье [Эл. ресурс]. URL: <https://realty.rbc.ru/news/60e1caf89a7947dfdda2fff9> (дата обращения: 15.07.2021).

²³ Родинон Д. Иркутяне скупают квартиры в Улан-Удэ [Эл. ресурс]. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/society/97406/> (дата обращения: 15.10.2021).

Положительным моментом реализации другой меры поддержки – программы «дальневосточный гектар» – оказалась ее большая, чем планировалось, востребованность за год реализации. Бурятия заняла 2-е место в рейтинге регионов ДФО по количеству заключенных договоров на «дальневосточные гектары» за год (2,1 тыс., в то время как правительство республики рассчитывало всего на 500 заявлений)²⁴.

Несмотря на преобладание среди участников программы жителей республики, поступают заявления и из других регионов, прежде всего – Забайкальского края и Республики Саха, а также Иркутской и Московской областей, Москвы, Санкт-Петербурга (122 заявки)²⁵. В то же время нельзя сказать, что это ощутимые результаты, особенно на фоне того, что изначально по данной программе предполагалось привлечь на Дальний Восток 30 млн человек.

Главной проблемой является отсутствие механизмов создания инфраструктуры, поэтому востребованы участки в районах, приближенных к Улан-Удэ, Байкалу, российско-монгольской границе, количество которых небесконечно. Поскольку треть земли берется для занятия сельским хозяйством, много вопросов вызывает размер участка, которого недостаточно для животноводства – приоритетной отрасли сельского хозяйства Бурятии.

Но самым популярным видом использования «дальневосточного гектара» является индивидуальное жилищное строительство. Поэтому, согласно опросу жителей республики, привлекательность данной программы может быть повышена за счет таких мер поддержки, как льготная ипотека при строительстве дома, финансовая поддержка на старт собственного бизнеса, гранты на создание фермерского хозяйства, а также поддержка сбыта продукции²⁶.

В этой связи ожидается, что позитивное влияние на освоение «дальневосточных гектаров» окажут распространение проекта

²⁴ «Дальневосточный гектар» в Бурятии и Забайкалье станет доступен для всех россиян и соотечественников [Эл. ресурс]. URL: <https://www.hcfe.ru/news/8843/> (дата обращения: 16.07.2021).

²⁵ «Дальневосточный гектар» в Бурятии заинтересовал более 120 жителей регионов России [Эл. ресурс]. URL: <https://tass.ru/v-strane/9927617> (дата обращения: 16.07.2021).

²⁶ Жители Забайкальского края и Республики Бурятия оценили результаты двух лет вхождения в состав ДФО [Эл. ресурс]. URL: <https://надальнийвосток.рф/news/detail?id=715> (дата обращения: 16.07.2021).

«льготный домокомплект», «дальневосточная и сельская ипотека», частичное открытие буферных зон в пригороде Улан-Удэ.

Как фактор привлечения населения следует отметить благоприятную обстановку в сфере межнациональных отношений, что обусловлено отсутствием значительных отличий в социально-экономическом положении этнических групп, долгим историческим опытом взаимодействия, дружелюбным менталитетом народов и работой органов государственной власти по сохранению межэтнического согласия.

Бурятия как полиэтничный регион традиционно отличается толерантностью по отношению к представителям разных национальностей, поэтому является привлекательной для мигрантов из стран СНГ, Китая, Монголии. Однако с усилением конкуренции за рабочие места у местных жителей все чаще возникает негативное восприятие мигрантов. Кроме того, у них вызывают тревогу незаконное освоение недр при участии мигрантов, неприятие ценностей национальной культуры в регионе, менталитет временного жителя у приезжих [Межнациональные..., 2019].

Отметим, что изначально масштабы заселения республики за счет жителей других регионов были менее значительными, чем в большинстве регионов ДФО. Население Бурятии испокон веков проживало на данной территории, поэтому степень привязанности к родным местам здесь намного выше, что особенно распространено среди титульного населения.

Заключение

При сохранении текущих тенденций значительного социально-экономического отставания республики от большинства российских регионов, в том числе дальневосточных, миграционный отток за пределы республики и из сельской местности в столицу и ее пригороды будет усиливаться, что создает угрозу для реализации приоритетного развития и самой Бурятии, и дальневосточных территорий РФ в целом. Поэтому миграционная политика должна быть направлена на сдерживание оттока коренных жителей путем создания соответствующих экономических условий и социальной инфраструктуры на местах.

Действующей системы преференций для этого явно недостаточно. В первую очередь следует активизировать политику, направленную на создание новых рабочих мест с достойной

заработной платой, что являлось бы стимулом для сокращения оттока местного населения и притока квалифицированных кадров из других территорий. Необходима конвергенция уровня заработной платы в республике со средней по ДФО, а также выравнивание разрыва в межотраслевой и межпрофессиональной оплате труда, расширение зоны «социальных лифтов» и предоставление молодежи возможностей для получения качественного образования.

Одной из точек роста экономики, развитие которой ограничивает особый режим хозяйственной деятельности (большая часть территории республики входит в Байкальскую природную территорию), может стать реализация принципов зеленой и цифровой экономики и видов экономической деятельности, способствующих развитию человеческого капитала [Атанов, Янтранов, 2015]. К ним можно отнести акваэкономику, производство экологически чистого продовольствия, здравоохранение, рекреацию, образование, в том числе экологическое, и др. Этому может способствовать, по мнению наших коллег, получение республикой статуса пилотного региона по апробации новых механизмов создания и развития современных несырьевых производств [Дондоков, 2018].

В этом отношении определенные сдвиги есть в связи с началом реализации ряда инвестиционных проектов: налаживанию индустриального производства мраморной говядины, созданию тепличного комплекса «ТК Гусиноозерский», Байкальского текстильного комбината (на основе возрождения тонкорунного овцеводства), технопарка «Биотехнополис» в сфере высоких технологий, комплексному развитию авиационного учебного центра, строительству и эксплуатации солнечных электростанций, созданию туристско-рекреационного комплексов и др.²⁷.

Литература

Анализ и прогнозирование развития экономики Республики Бурятия: кол. монография / Под ред. А.О. Баранова, З. Б.-Д. Дондокова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. 204 с.

Атанов Н. И., Янтранов А. Е. Потенциал «зеленого развития» Республики Бурятия // ЭКО. 2015. № 11. С. 111–115.

²⁷ Инвестиционные проекты [Эл. ресурс]. URL: <https://invest-buryatia.ru/index/investiczionnyie-proektyi/> (дата обращения: 16.09.2021).

Бюраева Ю. Г. Молодежная миграция в Республике Бурятия: направленность потоков и причины // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 52–62. DOI: 10.31857/S013216250010001–4

Бюраева Ю. Г. Структура занятости населения Республики Бурятия: тенденции и сдвиги // Регионалистика. 2021. № 1. С. 68–80. DOI: 10.32609/0042–8736–2015–11–30–61

Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 49 с.

Дондоков З. Б.-Д. О стратегии-2035 и инструментах социально-экономического развития Республики Бурятия // Вестник БНЦ СО РАН. 2018. № 3. С. 105–112.

Дондоков З.-Б. Д., Потапов Л. В., Убонова Д. З. Республика Бурятия в программах социально-экономического развития Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С. 78–98. DOI: 10.14530/se.2019.3.078–098

Ершов Ю. С., Тарасова О. В. Азиатская Россия – основные противоречия современного развития // Регион: экономика и социология. 2020. № 8. С. 8–30. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2020–8–8–30

Межнациональные отношения в Республике Бурятия: по материалам мониторинговых исследований 2016–2018 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. 130 с.

Минакир П. А., Найден С. Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов // Регион экономика и социология. 2020. № 3. С. 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302

Мкртчян Н. В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс. В сб.: Что мы знаем о современных пригородах? Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 26–36.

Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.

Очирова Г. Н. Образовательная миграция из Республики Бурятия: факторы, масштабы и направления // Вестник университета. 2021. № 4. С. 181–188. DOI: 10.26425/1816–4277–2021–4–181–188

Хамина Н. В. Оценка демографической внутрорегиональной дифференциации регионов Восточной Сибири // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5(15). Вып. 3. С. 240–246.

Хилажева Г. Ф. Миграционный обмен между регионами различных типов (на примере Республики Башкортан и Тюменской области) // Регион: экономика и социология. 2019. № 2. С. 185–206. DOI: 10.15372/REG20190208

Статья поступила 24.07.2021

Статья принята к публикации 21.09.2021

Для цитирования: *Бюраева Ю. Г.* Миграционные процессы в Республике Бурятия: направления, результативность, факторы // ЭКО. 2022. № 1. С. 141–166. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2022–1–141–166

Summary

Byuraeva, Yu.G., Doct. Sci. (Sociology), Buryat Science Center, SB RAS, Ulan-Ude

Migration Processes in the Republic of Buryatia: Directions, Performance, Factors

Abstract. The paper analyzes the movement of Buryatia population in the period from 1990 to 2020, including intra-regional and external migration flows. The author identifies the scale, directions and effectiveness of migration exchange with the regions of the Russian Federation and foreign countries, studies the age peculiarities and factors of migration. Its consequences for the socio-demographic potential of Buryatia as a donor region are evaluated. Mechanisms to curb migration outside the region, including the provision of the Far Eastern hectare and preferential mortgages, are considered.

Keywords: migration; migration exchange; performance and directions of migration; push and pull factors; Republic of Buryatia

References

Analysis and forecasting of the development of the economy of the Republic of Buryatia (2019). / ed. by A. O. Baranov, Z. B.-D. Dondokov. Ulan-Ude: publishing house of the BSC SB RAS. 204 p. (In Russ.).

Atanov, N. I., Yantranov, A. E. (2015). The potential of “green development” of the Republic of Buryatia. *ECO*. No. 11. Pp. 111–115. (In Russ.).

Byuraeva, Yu.G. (2020). Youth migration in the Republic of Buryatia: trends and causes. *Sociological studies*. No. 10. Pp. 52–62. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250010001–4

Byuraeva, Yu.G. (2021). The structure of employment of the population of the Republic of Buryatia: trends and shifts. *Regionalistika. Regionalistics*. No. 1. Pp. 68–80. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2015–11–30–61

Dondokov, Z.B.-D. (2018). The Strategy-2035 and instruments of social and economic development of the Republic of Buryatia. *Vestnik BNTS SO RAN. Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. No. 3. Pp. 105–112. (In Russ.). DOI: 10.31554/2222–9175–2018–31–105–112

Dondokov, Z.B.-D., Potapov, L.V., Ubonova, D.Z. (2019). The Republic of Buryatia in the programs of socio-economic development of the Far East: a retrospective analysis. *Spatial economics*. Vol. 15. No. 3. (In Russ.). Pp. 78–98. DOI: 10.14530/se.2019.3.078–098.

Ershov, Yu.S., Tarasova, O.V. (2020). Asian Russia – main contradictions of current development. *Region: Economics and Sociology*. No. 8. Pp. 8–30. (In Russ.). DOI: 10.30680 / ECO0131–7652–2020–8–8–30

Gabdrakhmanov, N.K., Nikiforova, N. Yu., Leshukov, O.V. (2019). “From Volga to Yenisei...”: educational migration of young people in Russia. Moscow, NIU VShE. 49 p. (In Russ.).

Interethnic relations in the Republic of Buryatia: based on monitoring studies 2016–2018. (2019). Ulan-Ude, Publishing house of BSC SB RAS. 130 p. (In Russ.).

Khamina, N.V. (2019). Assessment of demographic intraregional differentiation of the regions of Eastern Siberia. *Geopolitika I ekogeodinamika regionov. Geopolitics and ecogeodynamics of regions*. Vol. 5(15). Issue 3. Pp. 240–246. (In Russ.).

Khilazheva, G.F. (2019). Migration exchange between regions of different types (case study of Tyumen oblast and the Republic of Bashkortostan). *Region: ekonomika i sotsiologiya. Region: Economics and Sociology*. No. 2. Pp. 185–206. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20190208

Minakir, P.A., Naiden, S.N. (2020). Social dynamics in the Far East: the defect of ideas or the failure of institutions? *Region: Economics and Sociology*. No. 3. Pp. 30–61. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20200302.

Mkrtchyan, N.V. (2017). Near-capital territories of Russia: population dynamics and migration balance. In: What do we know about contemporary Russian suburbs? Ulan-Ude, Publishing house of BSC SB RAS. Pp. 26–36. (In Russ.).

Nefedova, T.G., Pokrovsky, N.E., Trayvish, A.I. (2015). Urbanization, deurbanization and rural-urban communities in conditions of increasing horizontal mobility of the population. *Sociological studies*. No. 12. Pp. 60–69. (In Russ.).

Ochirova, G.N. (2021) Educational migration from the Republic of Buryatia: factors, scale and directions. *Vestnik of the university*. No. 4. Pp. 181–188. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816–4277–2021–4–181–188

For citation: Byuraeva, Yu.G. (2022). Migration Processes in the Republic of Buryatia: Directions, Performance, Factors. *ECO*. No. 1. Pp. 141-166. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-141-166